

И. Первольф

Франц Палацкий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Первольф**
Франц Палацкий / И. Первольф – М.: Книга по Требованию, 2021. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-8658-5

ISBN 978-5-4241-8658-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣка, когда новыя начала стали приобрѣтать себѣ господство въ жизни государственной, научной и литературной, когда стали исчезать многія узы, сковывавшія до тѣхъ поръ и чешскую историографію.

Тогда началъ свою дѣятельность патріархъ чешской исторической критики, *Добнеръ*, изданіемъ важныхъ „*Annales Naucsi*“, то-есть, латинскаго изданія лѣтописца *Гайка* XVI вѣка, съ критическими объясненіями. Обширная чешская хроника Вячеслава Гайка (1541 г.), написанная въ смыслѣ строго католическомъ, стала впоследствии, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, любимымъ чтеніемъ чешскаго простонародья, избѣгнувъ костровъ и индексовъ іезуитовъ. Хроника эта написана не только безъ всякой критики, но и съ большою долею недобросовѣстности, и надо удивляться, что она могла вводить въ заблужденіе даже такихъ историковъ, каковымъ былъ, знаменитый въ свое время ученый, іезуитъ *Бальбинъ* († 1688 г.). Эта-то хроника Гайка, написанная по чешски, переведена была въ XVIII вѣкѣ на латинскій языкъ; Добнеръ же, снабдивъ переводъ критическими замѣчаніями, сталъ ее издавать, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своего труда († 1790 г.). Стараніемъ Добнера авторитетъ Гайка наконецъ рухнулъ къ немалой пользѣ чешской историографіи. Эта побѣда критики надъ авторитетомъ Гайка замѣтна уже въ историческихъ трудахъ современниковъ Добнера, въ исторіяхъ Чехіи *Шубички* и *Пельцеля*, равно какъ и въ историческихъ трудахъ *Добровскаго*. Разумѣется, и эти труды представляютъ только несовершенными попытки нарисовать картину чешской исторіи; но замѣтный прогрессъ является именно въ томъ, что эти писатели уже не увлекаются баснями Гайка, а черпаютъ свѣдѣнія прямо изъ источниковъ и разбираютъ ихъ критически.

Вторая половина XVIII вѣка ознаменована *возрожденіемъ чешской народности*. Тогда готовились нанести чешскому, какъ казалось спящему летаргическимъ сномъ, народу смертельный ударъ и докончить давно приготавливаемую его германизацію. Но этотъ планъ не удался. Вслѣдствіе германизаторскихъ тенденцій австрійскаго правительства, чешскій народъ, напротивъ, пробудился къ новой жизни. Чешское національное движеніе, хотя шло медленно, но его уже ничѣмъ нельзя было остановить, благодаря неусыпнымъ трудамъ чешскихъ писателей и дѣятелей.

Не мало способствовало къ этому возрожденію чешскаго народа и развивавшееся изученіе его исторіи. Въ царствованіе императора Іосифа II повѣяло болѣе либеральнымъ духомъ въ разныхъ сферахъ общественной и научной жизни. Въ то время, хотя отчасти, снято было

ѣтковое давленіе, наложенное на чешскую исторію. Тогда раздается также даже изъ среды чешскаго католическаго духовенства голосъ: „Гусъ не еретикъ“, и вскорѣ присоединяется къ нему кликъ: „Жижка — славный чешскій полководецъ и мститель Гуса!“ — къ немалому изумленію іезуитско-нѣмецкихъ кружковъ, не сомнѣвавшихся въ смерти ненавистнаго имъ чешскаго народа. Не всѣ историки чешскіе стали уже довольствоваться сухимъ изложеніемъ фактовъ и ихъ критическою разработкой; нѣкоторые начинаютъ писать съ патриотическимъ вдохновеніемъ и представлять чешскому народу картину его блестящей исторіи, въ утѣшеніе и назиданіе. Такъ именно дѣйствовала *Пельцель*, одинъ изъ лучшихъ чешскихъ дѣятелей и историковъ конца XVIII вѣка.

Главнымъ недостаткомъ чешской исторіографіи того времени было — не считая равныхъ другихъ препятствій — то, что чешскіе историки стали разрабатывать свой предметъ преимущественно по лѣтописямъ и вообще по источникамъ болѣе извѣстнымъ, а не обращали надлежащаго вниманія на документальные памятники, грамоты и пр., хранившіеся въ архивахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Это можно сказать именно о трудѣ *Пубички*, который въ 1770—1801 гг. издалъ десять томовъ исторіи чешской, сухой и довольно безжизненной компіляціи. *Пубичка* довелъ свою исторію до 1618 года; смерть автора (1807 г.) прекратила обнародованіе XI тома, доведеннаго до 1630 года. Свою исторію *Пубичка* издавалъ съ помощію чешскихъ чиновъ, которые охотно пожертвовали деньги изъ земской казны на сочиненіе „для прославленія чешскаго народа“. Смертью *Пубички* прекратилось дальнѣйшее изданіе его исторіи, и чешскіе чины долго не могли найти ему преемника, который бы продолжалъ его трудъ.

Всѣ вышеприведенные труды по чешской исторіи, *Добнера*, *Пубички*, *Пельцеля*, *Добровскаго* и др., писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; по чешски одинъ только *Пельцель* сталъ писать „Новую хронику чешскую“, но довелъ ее лишь до гуситскаго движенія. Причины ясны. Чешская народность, послѣ страшныхъ погромовъ, постигшихъ ее въ 1620—1648 гг., упала такъ, что сдѣлалась достоиніемъ только простаго народа; высшія сословія, шляхта и города, овнѣмчились, и хотя продолжали признавать себя въ политическомъ отношеніи „Чехами“, чинами чешскаго королевства и моравскаго маркграфства, но все-таки говорили и писали только по латински или по нѣмецки. Чешскій языкъ знали очень немногіе изъ нихъ. Къ этому постепенному овнѣмченію присоединились во второй

половинѣ XVIII вѣка, со временъ Маріи Терезіи и Іосифа II, германизаторскія тенденціи австрійскаго правительства.

Съ другой стороны, эти самыя тенденціи пробудили чешскій народъ къ новой жизни, поощряли ревностныхъ чешскихъ патріотовъ къ неутомимой дѣятельности, которая и не осталась безплодна: чешская народность въ самомъ дѣлѣ стала возвышаться, не смотря на всѣ многочисленныя препятствія. Не забудемъ, что пробужденіе чешскаго народа происходило только частнымъ образомъ, благодаря безпредѣльному самопожертвованію нѣсколькихъ лицъ, не только безъ содѣйствія, но еще при сопротивленіи правительственныхъ кружковъ. Чешскій языкъ нигдѣ не былъ въ употребленіи въ публичной жизни; вездѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій: во всѣхъ школахъ, начиная съ такъ-называемыхъ нормальныхъ (приходскихъ) школъ, и гимназій до университета и технического института, въ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, государственныхъ, городскихъ и многочисленныхъ патримоніальныхъ (дворянскихъ); по нѣмецки говорила шляхта, мѣщане, чиновники, профессора и вообще почти вся интеллигенція въ Чехіи и въ Моравіи. Правда, и между высшими сословіями и интеллигенціей встрѣчались патріоты — они-то и способствовали къ учрежденію чешскаго народнаго музея (1818 г.); но они считали полное возрожденіе чешскаго народа, по ихъ взглядамъ уже приговореннаго къ неминуемой смерти, и восстановленіе чешскаго языка дѣломъ невозможнымъ. Такими патріотами были напримѣръ Хотки, Коловраты, Штериберги, Кинскіе и другіе, таковъ былъ и патріархъ славистики Іосифъ Добровскій. Этими людямъ усилія и стремленія Пельцеля, Крамеріуса, Пухмайера, Юнгманна, Пресля и другихъ вдохновенныхъ борцовъ за чешскую народность казались несбыточными утопіями. Кромѣ того, возникшія въ самой средѣ чешскихъ писателей распри объ ореографіи, шуризмѣ и другихъ мелочахъ, выставляли ихъ въ глазахъ публики не въ очень выгодномъ свѣтѣ.

Чешскій языкъ раздавался только въ деревняхъ, да въ устахъ малочисленныхъ писателей и патріотовъ чешскихъ, а въ публичной жизни — лишь только въ самыхъ низшихъ народныхъ школахъ, и на амвонахъ проповѣдниковъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Чехіи, когда весной 1823 г. прибылъ въ Прагу, изъ странъ угорскихъ Словаковъ, двадцатипятилѣтній Мораванинъ, человекъ скромный, безъ средствъ и безъ связей, извѣстный лишь только маленькому кружку чешскихъ литераторовъ

нѣкоторыми стихотвореніями и эстетическими статьями. Это былъ—*Францъ Палацкій*.

Познакомившись со всѣми знаменитостями науки и литературы того времени, въ томъ числѣ съ графами Штернбергами (Каспаромъ и Францомъ), и съ Іосифомъ Добровскимъ, Палацкій скоро занялъ между ними видное мѣсто. Вросивъ разнообразныя студиі, онъ посвятилъ себя исключительно *чешской исторіи*, не имѣя другаго желанія, „какъ ради добра отечества совершить что-нибудь полезное и знаменитое“. Уже тогда, сознавъ главный недостатокъ своихъ предшественниковъ, онъ сталъ знакомиться съ архивными и вообще рукописными сокровищами, и работать въ архивахъ въ Требони, Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Будѣвицахъ и въ государственномъ архивѣ въискомѣ.

Палацкій вовсе не раздѣлялъ взглядовъ вышеупомянутыхъ чешскихъ патриотовъ на счетъ неминуемой гибели чешской народности. „Если будемъ всё такъ себя вести“, высказалъ онъ однажды (въ 1825 году) графу Каснару Штернбергу, президенту чешскаго музея, и Добровскому, „то, конечно, нашъ народъ погибнетъ съ духовнаго голоду; но я, еслибъ я былъ даже цыганскаго роду и послѣдній его потомокъ, то считалъ бы своею обязанностью всячески стараться, чтобъ осталась по немъ по крайней мѣрѣ честная память“. Результатомъ этого достопамятнаго разговора былъ между прочимъ и планъ изданія *музейныхъ журналовъ* на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, которые и стали выходить съ 1827 года. Въ нихъ сосредоточились всё тогдашнія умственные и научныя силы Чехіи, чешской и нѣмецкой народности. Редакція обоихъ журналовъ поручена была Палацкому.

Молодой ученый скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Уже въ 1827 году чешскіе чины имѣли Палацкаго въ виду для продолженія чешской исторіи Пубички. Но Палацкій, съ удовольствіемъ принимая это предложеніе въ принципѣ, прямо указалъ и на неудобство его, а именно на то, что сочиненіе Пубички не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Кромѣ того, эпоха чешской исторіи, о которой слѣдовало писать, была самая трудная и щекотливая и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ какъ тогда самостоятельное государство Чешское перестало существовать—мало интересная. Поэтому Палацкій предложилъ чешскимъ чинамъ написать совсѣмъ новую исторію своего народа. Труды чешскихъ историковъ прежнихъ временъ—такъ разсуждалъ Палацкій—страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ,

именно тѣмъ, что эти историки, пользуясь особенно бѣдными и сухими лѣтописями, наполняютъ свои книги довольно безсвязными разказами о войнахъ, революціяхъ и проч., а на внутреннюю жизнь народа не обращаютъ почти никакого вниманія. Архивные документы остались этимъ историкамъ по большей части неизвѣстными, или они ими пользовались очень мало. А все-таки только изъ этихъ документовъ чешская исторія можетъ выясниться и только такимъ образомъ можно приобрѣсти себѣ болѣе ясное представленіе о государственномъ и общественномъ устройствѣ, судопроизводствѣ, культурѣ и прочихъ сторонахъ внутренней жизни Чешскаго народа. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ документовъ долженъ сдѣлать самъ историкъ, такъ какъ онъ одинъ только можетъ оцѣнить нужное и имъ воспользоваться. Надо осмотрѣть разные архивы пражскіе и провинціальныя, архивы моравскіе, вѣнскіе, пештскіе: изъ заграничныхъ—архивы въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Бреславлѣ, Пулавахъ и ватиканскій въ Римѣ. Прежде чѣмъ не будетъ оконченъ этотъ долготѣпный трудъ, нечего и думать о писаніи чешской исторіи, то-есть, такой исторіи, которая бы представляла что-нибудь болѣе, чѣмъ компиляцію изъ печатныхъ книгъ. Такой громаднй трудъ—собрать матеріалы и сводить ихъ, разумѣется, не можетъ предпринять человѣкъ безъ большихъ средствъ, — для этого нужно значительное вспомошествованіе со стороны чиновъ. Еслибы чины Чешскаго королевства захотѣли способствовать развитію отечественной исторіографіи и возложили бы этотъ трудъ на него, Палацкаго, то его пламенное желаніе было бы исполнено. Предложеніе это ревностно поддержалъ благородный и ученый графъ Францъ Штернбергъ, и чешскіе чины согласились, на сеймѣ 1829 года, назначить Палацкаго своимъ исторіографомъ.

Для рѣшенія сеймоваго заключенія на счетъ назначенія Палацкаго „исторіографомъ чешскихъ чиновъ“ нужно было утвержденіе правительства. Но высшій канцлеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), въ то время графъ Заурау, отвѣтилъ, что онъ считаетъ ходатайство чешскихъ чиновъ nepозволительнымъ (unzulässig).

Недовольные тѣмъ, чешскіе чины представили канцлеру ремонстрацію, и на этотъ разъ графъ Заурау уступилъ и счелъ ходатайство уже возможнымъ. Объ этомъ же самомъ дѣлѣ хлопоталъ и государственный и конференцъ-министръ, графъ Коловратъ, бывшій намѣстникъ чешскій; онъ самъ два раза вручалъ императору Францу актъ для подиски, но тотъ устранилъ его словами: „это можетъ

еще подождать“, и наконецъ (1830 г.) уже прямо отказалъ (der Antrag hat vor der Hand auf sich zu beruhigen).

Такъ какъ „исторіографъ чешскихъ чиновъ“ не былъ утвержденъ, то чины поручили Палацкому уже не продолженіе исторіи Публички, а новое сочиненіе съ вознагражденіемъ 1.200 гульденовъ въ годъ. Но и это не поправилось въ Вѣнѣ, и когда Палацкій, въ 1831 году, желая облегчить себѣ доступъ въ Мюнхенскій государственный архивъ, назвалъ себя „дезигнованнымъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ“, то въ Вѣнѣ тотчасъ же обратили на это вниманіе и Палацкій получилъ въ Мюнхенѣ черезъ австрійскаго посланника выговоръ.

Титулъ „исторіографа чешскихъ чиновъ“ утвердилъ за нимъ въ 1838 году уже императоръ Фердинандъ. Позже титулъ этотъ былъ замѣненъ титуломъ „исторіографъ земскій“.

Съ 1831 года Палацкій, въ своей новой должности, сталъ продолжать уже до того времени предпринимаемыя имъ изслѣдованія въ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ, и продолжалъ ихъ до недавняго времени (1863 года).

Въ теченіе этого времени онъ разсмотрѣлъ наиболѣе важныя архивы и бібліотеки въ Чехіи и въ Моравіи, именно въ Прагѣ—университетскій, Вышеградскій, канцелярскій, наместническій, городской, доски земскія и другія, знаменитый архивъ Требонскій (въ немъ работаль онъ девять разъ), архивы въ Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Осѣжѣ, Домажлицахъ, Будѣйвицахъ, Духцовѣ и другихъ городахъ; въ архивахъ моравскихъ, въ Оломуцѣ, Кромѣжири и др., въ важномъ придворномъ архивѣ вѣнскомъ, въ которомъ, между прочимъ, хранится бывшій государственный архивъ чешскій и архивы уничтоженныхъ чешскихъ монастырей, въ архивахъ пештскихъ. За границей работаль онъ преимущественно въ Ватиканскомъ архивѣ въ Римѣ, нѣсколько разъ въ Вратиславлѣ (Бреславлѣ), Берлинѣ, Франкфуртѣ, Згорѣльцѣ (Герлицѣ), Будышинѣ (Бауценѣ), Бамбергѣ, Эрфуртѣ, Вольфенбюттелѣ, Лейпцигѣ, Базелѣ, Парижѣ и проч. Особенно важныя приобрѣтенія сдѣланы были имъ въ Ватиканскомъ архивѣ (1837 г.): Палацкій здѣсь прочиталь 45.000 грамотъ и списаль больше 400; о научной сторонѣ своего путешествія въ Римъ и вообще въ Италію, онъ сообщилъ въ статьѣ *Litterarische Reise nach Italien im J. 1837* (Prag, 1838), и въ письмахъ къ Шафарику и Хмеленскому (въ Часописѣ Чешскаго музея 1837 года).

Очеркъ дѣятельности Палацкаго мы раздѣлимъ на три части. Во-первыхъ, поговоримъ вкратцѣ о его *литературной дѣятельности*,

относящейся къ языку и литературѣ чешской; потомъ взглянемъ на него, какъ на *собираателя и издателя* матеріаловъ по чешской исторіи и, наконецъ, какъ на *исторіографа*.

I. Литературная дѣятельность Палацкаго.

Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить объ исторической дѣятельности Палацкаго, коснемся хоть вкратцѣ его дѣятельности по чешской литературѣ и по чешскому языку, — дѣятельности, которая во многомъ тѣсно связана съ его историческими трудами, равнымъ образомъ какъ и съ возрожденіемъ Чешскаго народа въ теченіе первой половины нашего вѣка.

Мы уже выше сказали, что когда Палацкій прибылъ въ Прагу, литературная дѣятельность чешская находилась только въ зародышѣ; чешскій языкъ, вытѣсненный изъ школъ и изъ присутственныхъ мѣстъ находилъ себѣ убѣжище только въ маленькомъ кружкѣ чешскихъ литераторовъ. Въ числѣ ихъ были, конечно, и люди просвѣщенные и высоко образованные, какъ, на примѣръ, Юнгманъ и Пресль, но большинство, хотя тоже воодушевленные борцы за чешскую народность, были люди довольно простые и недалекіе. Занимаясь съ любовью и увлеченіемъ роднымъ языкомъ, форма котораго была строго установлена уже 300 — 400 лѣтъ тому назадъ, они стали подѣскивать въ немъ разные недостатки, то въ правописаніи, то въ формальномъ, то въ лексикальномъ отношеніяхъ. Изъ этого возникали споры и эти-то споры о буквахъ, правописаніи, нуризмѣ, неологизмахъ, просодіи и пр. занимали тогда въ литературной дѣятельности чешской одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ.

Палацкій, сдѣлавшись редакторомъ главнаго органа тогдашней литературы чешской, „Журнала Чешскаго музея“ (съ 1827 года), сталъ, конечно, важнымъ лицомъ въ кружкѣ писателей, не говори уже о все больше увеличивавшемся значеніи его какъ историка. Онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и своимъ образованіемъ значительно превъшавшій большинство своихъ современниковъ - литераторовъ, съ перваго же шага сталъ на точку зрѣнія самостоятельную и непристрастную. Сознывая, что безплодные споры о буквахъ и пр. ни къ чему не ведутъ, да еще вредитъ литературной дѣятельности, онъ не далъ имъ мѣста въ музейномъ журналѣ, и требовалъ отъ чешскихъ писателей, чтобъ они старались всѣми силами писать полезныя книги для поученія только что пробуждавшагося народа. Въ такомъ духѣ онъ велъ и журналъ музейный во все время

своего редакторства (до 1837 года). Журналъ этотъ сдѣлался достойнымъ органомъ возрождавшейся чешской литературы; онъ предлагалъ публикѣ хорошія статьи, знакомилъ ее съ различными памятниками древне-чешской литературы и значительно способствовалъ къ усилению національнаго сознанія въ Чехіи и въ Моравіи. Между тѣмъ какъ чешскій журналъ музейный преуспѣвалъ, журналъ, издаваемый на нѣмецкомъ языкѣ тоже подѣ редакцію Палацкаго, долженъ былъ прекратиться уже въ 1831 году. Палацкій, въ концѣ своей редакторской дѣятельности (въ 1837 году редакція была передана Шафарику: съ справедливою гордостью могъ указать на успѣхи журнала.

Палацкому принадлежитъ честь не только поднятія „Журнала Чешскаго музея, но и самаго музея и разныхъ его секцій. Уже въ 1830 году Палацкій, вмѣстѣ съ Юнгманномъ и Пресломъ, дали мысль объ учрежденіи особой секціи музейной для научнаго образованія чешскаго языка и литературы, и фонда для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ „Матицы чешской“, которая и до сихъ поръ дѣйствуетъ съ большою пользою.

Въ 1841 году Палацкій выбранъ былъ въ члены комитета музейнаго. Въ томъ же году, въ обширномъ меморандумѣ онъ указалъ на нѣкоторые недостатки музея, именно на то, что музей долженъ бы былъ заботиться, вмѣстѣ съ естественными науками, главнымъ образомъ, объ исторіи чешской въ наибольшійшемъ смыслѣ. Стараніемъ Палацкаго сложены въ музей рукописный *дипломатарій чешскій*, который потомъ безпрестанно умножался новыми списками (надъ переписываніемъ ихъ особенно трудились, подѣ надзоромъ Палацкаго, прославившіеся позже историки Эрбенъ и Томекъ); кромѣ того, значительно обогащалась коллекція оригинальныхъ документовъ. Въ 1850 году архивъ музейный содержалъ 16.000 подлинниковъ и больше 10.000 списковъ. Кромѣ архива, Палацкій обратилъ вниманіе и на коллекцію *древностей*, и по его инициативѣ учреждено при музеѣ особое археологическое общество.

При подобной дѣятельности Палацкій, разумѣется, не могъ не имѣть столкновеній съ разными властями, въ особенности съ цензурой. Уже въ 1831 году онъ жаловался на чрезвычайную строгость цензуры высшему бургрграфу Хотку, а также на то, что все школьное образованіе, очевидно, стремится къ полной германизациіи и къ истребленію чешскаго языка, что цензура запрещаетъ все, что указывало бы на это печальное положеніе и что бы служило къ возвышенію чешской рѣчи. Промеморія объ этомъ представленная вы-

шеупомянутою секціей для образованія чешскаго языка и литературы, осталась безъ результатовъ. Также не удался планъ Палацкаго издать энциклопедію на чешскомъ языкѣ. Этотъ планъ возмѣли уже въ 1829 году Палацкій, Юнгманнъ и Пресль, побуждая къ тому вышеупомянутую секцію и Матицу чешскую, но не успѣли его осуществить. Въ 1850 — 1855 гг. Палацкій вновь поднялъ этотъ вопросъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чешскими писателями, предложилъ его Матицѣ чешской, ожидая отъ такой энциклопедіи великой пользы для народа. Планъ „Словаря научнаго“ не былъ принятъ Матицей, и кромѣ того общество музейное, напуганное правительствомъ, уступило настоятельнымъ требованіямъ пражскаго полиціймейстера, и въ своемъ годичномъ собраніи 1852 г. не избрало Палацкаго въ члены комитета. Планъ „Словаря научнаго“ осуществился только позднѣе, не съ помощью Матицы, а частнымъ образомъ; редакцію его принялъ на себя зять Палацкаго. Др. Ригеръ и съ помощью многихъ чешскихъ писателей издалъ въ 1859—1874 гг. „Словникъ научный“, лучшую энциклопедію въ литературахъ славянскихъ. Палацкій, послѣ исключенія своего изъ музея, конечно, сталъ держать себя въ сторонѣ, но въ 1861 г. онъ былъ выбранъ опять въ члены музейнаго комитета, въ которомъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

Изучая памятники древнечешской исторіи и литературы, преимущественно XIV—XV вѣковъ, Палацкій рано впикнулъ въ духъ чешскаго языка; онъ, вмѣстѣ съ Юнгманномъ, былъ главнымъ его знаткомъ и считается до сихъ поръ лучшимъ чешскимъ стилистомъ. Извѣстно, что чешскій языкъ уже въ XV—XVI вѣкѣ приобрѣлъ вполне установленную форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ — удивительную гладкость стила, такъ что памятники тогдашней литературы остались и впоследствии образцами языка. Особенно цѣнились языкъ литературы единства чешскихъ братьевъ, именно языкъ Кралицкой библии (1579—1593 гг.), который считается до сихъ поръ классическимъ. Этотъ-то „библейный“ языкъ, крѣпче всего соединившій Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ въ единство литературное, остался образцомъ и канономъ и для новой, пробуждающейся съ конца XVIII вѣка, литературы чешской, разумеется, не безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненій, которыхъ требовалъ духъ времени; сама же основа его, формальная, грамматическая и синтаксическая осталась не тронутою, и измѣненія касались только нѣкоторыхъ недостатковъ орфографіи и способа словосложенія. Но многіе новые писатели думали, что въ ли-

тературный языкъ чешскій надо вводить разныя измѣненія, то въ орфографіи, то въ формахъ; они поступали такъ не по какимъ-нибудь реальнымъ, вѣскимъ причинамъ, а только по прихоти и своему усмотрѣнію. Двое Чеховъ, жившихъ въ Моравѣ, Тернка и Жакъ, стали ратовать противъ разныхъ формъ чешскаго литературнаго языка, какъ онѣ установились въ теченіе вѣковъ и безъ разбора вводить разныя моравизмы и словакизмы.

Противъ такой манеры строго выступилъ Палацкій (1832 г.), и ревностно и съ успѣхомъ защищалъ установившійся до тѣхъ поръ письменный языкъ чешскій. Въ подобномъ же смыслѣ выступилъ Палацкій еще разъ въ 1846 г., защищая нѣкоторыя особенности установившейся орфографіи и грамматики чешской, особенно противъ нововведеній В. Ганки и Франты. Тогда же поднялъ онъ свой голосъ и въ защиту единства общаго литературнаго языка у Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ. Въ то время Штуръ сталъ письменно употреблять одинъ изъ говоровъ словенскихъ и создавать новую литературу словенскую. Вожаки чешской литературы, Чехи, Мораване и Словаки, Юнгманъ, Шафарикъ, Палацкій, Коларъ и другіе выступили противъ этой опасной попытки и защищали общій древній литературный языкъ для всѣхъ трехъ отраслей одного народа, но, къ сожалѣнію, уже напрасно. Разрывъ установился и существуетъ у Словаковъ до сихъ поръ.

Свои знанія по древнечешскому языку Палацкій обратилъ тоже въ пользу чешской *филологіи*, хотя, разумѣется, дѣятельность его по этому предмету была только второстепенная, такъ сказать, между прочимъ. Такъ, для лучшаго пониманія древнечешскихъ памятниковъ, особенно XV вѣка, онъ составилъ краткій словарь менѣе извѣстныхъ словъ; изъ разныхъ древнихъ грамотъ и другихъ документовъ собралъ множество личныхъ именъ, и пр. На основаніи своихъ богатыхъ коллекцій разныхъ древнечешскихъ названій лицъ и мѣстъ, онъ написалъ важный „Разборъ этимологической чешскихъ мѣстныхъ названій“ (1834 г.), и указалъ, что названія происходятъ либо отъ именъ лицъ, либо отъ мѣстныхъ особенностей. Эта статья удержала свое значеніе до сихъ поръ не только для чешскихъ, но и вообще для славянскихъ мѣстныхъ названій. Тѣ же самыя явленія какъ у Чеховъ, встрѣчаемъ мы и у другихъ Славянъ; такъ, напримѣръ, чешскія названія мѣстъ—Чаславъ, Яромиръ, Кіевъ, Богуславицы, Славѣтинъ,—происходяція отъ именъ лицъ: Чаславъ, Яромиръ, Кій, Богуславъ,